
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

И. С. ТУРГЕНЕВЪ

И

ЗНАЧЕНІЕ

ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Публичная лекція,

читаная въ Орлѣ 22-го Марта 1874 г.

А. Н. Чудиновымъ.

Перепечатана изъ Филологическихъ Записокъ.

ВОРОНЕЖЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1874.

Дозволено Цензурой. Москва, 13 Мая 1874 г.

И. С. Тургеневъ

и значеніе его литературной дѣятельности.

—

Публичная лекція,

прочитанная въ Орлѣ 22 марта 1874 г.

———

Мм. Гг.

Три года тому назадъ, я рѣшился прочесть—едва-ли не въ первый разъ въ этомъ городѣ,— рядъ публичныхъ лекцій объ исторіи русской женщины. Нѣкоторый успѣхъ моихъ чтеній, причину котораго я приписываю, конечно, всего менѣе скромнымъ достоинствамъ моего труда, убѣдилъ меня, что самой попыткой моей я успѣлъ угадать дѣйствительно зародившуюся въ нашемъ обществѣ потребность въ публичныхъ лекціяхъ. При той кропотливо-трудовой жизни, какую ведетъ, въ настоящее время, большинство изъ насъ, при необыкновенно широкомъ развитіи каждой отдѣльной отрасли знаній, отнимающей у своего спеціалиста всѣ его досуги, мы едва-ли можемъ удѣлять много времени на чтеніе книгъ, не прямо относящихся къ нашему дѣлу. Между тѣмъ, такое невольное отчужденіе отъ міра общечеловѣче-

скихъ интересовъ становится болѣе или менѣе тяжело каждому образованному человѣку. Отсюда: возможность въ устной, не отнимающей болѣе часу бесѣдѣ прослушать—время отъ времени, въ общедоступномъ изложеніи—резюмэ особенно близкихъ намъ отдѣловъ знанія,—не можетъ не показаться обществу на столько привлекательной, что изъ-за нея мы готовы даже снисходительнѣе отнестись къ ученымъ и литературнымъ силамъ лектора.

Позволивъ себѣ объяснить такимъ образомъ причину благосклоннаго пріема, какого удостоены были прежнія лекціи, мнѣ казалось умѣстнымъ предложить еще разъ мои чтенія снисходительному вниманію общества. Первоначальной цѣлью моею было —изложить предъ вами рядъ историко-критическихъ очерковъ, посвященныхъ дѣятельности болѣе выдающихся поэтовъ послѣдняго времени. Къ сожалѣнію, по разнымъ причинамъ, я долженъ былъ, въ настоящее время, значительно съузить рамки этого плана, ограничившись очеркомъ лишь одного изъ нихъ. Выборъ сдѣлать было нетрудно, и я не колеблясь остановился на яркомъ талантѣ И. С. Тургенева,—безспорно самаго выдающагося изъ послѣдователей школы Гоголя.

Немногіе изъ русскихъ писателей могутъ похвалиться такой широкой популярностью въ кругу соотечественниковъ, какъ И. С. Тургеневъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ едва-ли о комъ другомъ, кромѣ него, ходятъ такіе рѣзко противоположные отзывы, такія неопредѣленныя, смутныя мнѣнія. Съ другой стороны, ни одинъ изъ русскихъ писателей никогда не пользовался такой громкой, блистательной извѣстностью у иностранцевъ, какъ авторъ „Записокъ Охотника.“ Въ настоящее время, болѣе 300 переводовъ его произведеній существуетъ на всевозможныхъ ев-

ропейскихъ языкахъ, лучшіе англійскіе и нѣмецкіе критики единогласно признали его однимъ изъ талантливѣйшихъ романистовъ послѣдняго времени, сотрудничества его заискиваютъ даже въ далекой Америкѣ и недавно еще нью-іоркскіе издатели устроили, въ честь поэта, весьма лестную овацію. Таковы права поэта на всеобщее вниманіе. По отношенію къ намъ, жителямъ Орла, права эти становятся тѣмъ болѣе неотъемлемыми, что Тургеневъ—нашъ землякъ, родился въ нашемъ городѣ, всѣ впечатлѣнія его дѣтства возбуждены были среди такой же обстановки, какая окружаетъ насъ и теперь.

Приступая къ описанію столь блестящей дѣятельности поэта, особенно къ тому же близкаго намъ, и имѣя для этого въ распоряженіи всего часъ времени, я долженъ былъ съ особеннымъ вниманіемъ обдумать самый планъ моей лекціи. Прежде всего считаю нужнымъ предварить васъ, мм. гг., что я не имѣлъ права предполагать, чтобы въ числѣ моихъ слушателей нашлись лица, совершенно незнакомыя съ произведеніями Тургенева—чтеніе мое для нихъ лишено было-бы всякаго интереса. Поэтому для сбереженія времени я не буду касаться самой фабулы различныхъ произведеній поэта. Затѣмъ, нѣтъ ни одной повѣсти его, которая не нашла бы себѣ въ русской литературѣ талантливой и нерѣдко весьма обстоятельной критики Приводить содержаніе послѣдней значило-бы знакомить скорѣе съ личностью самого критика, чѣмъ поэта, да на это потребовалось бы и слишкомъ много времени. Я рѣшился избрать иной путь: собравъ почти все, извѣстное до сихъ поръ въ печати о жизни и произведеніяхъ Тургенева, я попытаюсь развернуть предъ вами болѣе или менѣе цѣльную картину его дѣятельности, найти и опредѣлить путемъ обобщенія характеръ и направленіе ея, ука-

зать нить, связующую разнообразныя произведенія поэта въ одно стройное цѣлое. На сколько удастся мнѣ осуществить такого рода программу лекціи—судить, конечно, не мнѣ.

И. С. Тургеневъ—потомокъ старинной дворянской фамиліи, вышедшей изъ Золотой Орды; многіе изъ членовъ ея служили воеводами въ XVII вѣкѣ. Нашъ поэтъ родился въ Орлѣ 28 октября 1818 г. и затѣмъ все дѣтство провелъ въ орловскомъ-же имѣніи своей матери, селѣ Спасскомъ, Мценскаго уѣзда, гдѣ росъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ. Родители его были люди достаточные, и потому—какъ это обыкновенно бывало въ то время,—вся обстановка мальчика немного заключала въ себѣ русскаго, роднаго. Французы и нѣмцы-гувернеры, бывшіе первыми наставниками поэта, дали ему возможность прекрасно изучить эти языки еще въ дѣтствѣ, но едва-ли, сами по себѣ, могли разбудить въ немъ любовь къ родинѣ. Подобно Пушкину, учившемуся родному языку у своей няни, и Тургеневъ нашелъ въ камердинерѣ своей матушки лектора, впервые познакомившаго мальчика съ перлами отечественной литературы. Вооруживъ свой носъ очками домашняго издѣлія, старикъ съ благоговѣніемъ читалъ ему украдкою длиннѣйшую Россіаду Хераскова, повторяя —по словамъ И. С.—каждый стихъ сперва на́ черно, потомъ на́ бѣло. Едва-ли такое художественное чтеніе могло пробудить въ мальчикѣ особенную любовь въ русской поэзіи. По достиженіи 12-ти лѣтъ, Тургеневъ былъ отвезенъ въ Москву и помѣщенъ тамъ въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, откуда былъ вскорѣ взятъ и порученъ попеченію директора Лазаревскаго института г. Краузе. Благодаря настойчивости своего новаго наставника, Тургеневъ на 15-мъ году выучился англійскому языку, а на 16-мъ

поступилъ въ число студентовъ Московскаго университета. То было время до введенія еще устава 1836 г. Въ числѣ профессоровъ философскаго отдѣл., куда поступилъ молодой Тургеневъ, были: Каченовскій, Болдыревъ, Давыдовъ, Побѣдоносцевъ, Снегиревъ, Надеждинъ, Погодинъ и Шевыревъ. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что ни одно изъ этихъ лицъ не могло оставить прочнаго слѣда на развитіи юноши. Къ тому-же недолго и пробылъ онъ въ стѣнахъ этого университета: неожиданная смерть отца принудила его оставить Москву и перейти въ Петербургскій университетъ. Тамъ онъ пробылъ еще два года, послѣ чего, въ 1837 г., былъ выпущенъ дѣйствительнымъ студентомъ и черезъ годъ, по выдержаніи экзамена, удостоенъ степени кандидата. Въ Петербургскомъ университетѣ профессорами Тургенева были слѣд. лица: Устряловъ, читавшій русскую исторію, Плетневъ—исторію русской литературы, Никитенко—общую исторію словесности, Фишеръ—философію, Соколовъ—греч. словесность, и всеобщую исторію—Куторга, Шульгинъ и поэтъ Гоголь, произведенный, по волѣ попечителя, въ профессоры. На сколько плодотворно было для Тургенева пребываніе его въ Петербургскомъ университетѣ, видно изъ слѣд. его признанія: „Я былъ убѣжденъ, говоритъ Тургеневъ, что въ Россіи „можно только набраться нѣкоторыхъ приготовитель- „ныхъ свѣдѣній, но что источникъ настоящаго знанія „находится за границей. Изъ числа тогдашнихъ профес- „соровъ не было ни одного, который бы могъ поколебать „во мнѣ это убѣжденіе; впрочемъ они и сами были „имъ проникнуты.“ Единственная, кажется, личность, имѣвшая вліяніе на пробужденіе въ немъ любви къ литературному занятію, былъ Петръ Александровичъ Плетневъ. Плѣнившись господствовавшими, въ то время, идеалами Байроновскаго разочарованія, Тур-

геневъ написалъ фантастич драму въ пятистопныхъ ямбахъ, подъ заглавіемъ „Стеніо", представлявшую рабское подражаніе Байроновскому Манфреду, и представилъ ее на разсмотрѣніе Плетнева. Плетневъ разобралъ ее подробно на одной изъ своихъ лекцій и, убѣдительно доказавъ всю ея несостоятельность, поощрилъ однако юнаго поэта, лаконически замѣтивъ ему, что въ немъ „что-то есть!" Эти два слова ободрили юношу на столько, что онъ написалъ вслѣдъ за тѣмъ около 50 лирическихъ стихотвореній, помѣщенныхъ имъ въ разное время въ Отеч. Зап., Соврем. Плетнева, въ Сборн. гр. Соллогуба „Вчера и сегодня" и въ Петерб. Сборн., изданномъ Некрасовымъ. За исключеніемъ гладкаго и довольно бойкаго стиха, произведенія эти не представляютъ собою ничего замѣчательнаго. Тургеневъ—19-ти л. молодой человѣкъ, отправился доучиваться въ Берлинскій университетъ, гдѣ прожилъ около двухъ лѣтъ, и въ теченіе 3-хъ семестровъ, прослушалъ лекціи проф. Вердера, Ранке, Ганса, Цумпта и Бёка. Въ Берлинѣ составился, въ то время, кружокъ талантливой русской молодежи, въ числѣ которой были Станкевичъ, Грановскій и Фроловъ. Тургеневъ дѣятельно примкнулъ къ этому кружку и съ увлеченіемъ сталъ заниматься философіей Гегеля подъ руководствомъ даровитаго пр. Вердера, и въ промежуткахъ подзубривалъ греч. и лат. грамматики, которыя зналъ плохо, и потому съ трудомъ могъ слѣдить за лекціями Цумпта и Бёка. Эти два года, проведенные въ Берлинѣ, были едва-ли не самыми рѣшительными въ жизни Тургенева, навсегда опредѣлившими и его призваніе, и направленіе, данное имъ своему таланту. Усиленная работа мысли, явившаяся, какъ слѣдствіе ея, потребность умственной пищи, благоговѣйное поклоненіе свободѣ человѣка и глубокое уваженіе въ каждомъ его человѣческаго

достоинства—таковы были вѣянія времени, живо почувствованныя тамъ Тургеневымъ. Сопоставленіе этого обаятельнаго міра идей съ горькой дѣйствительностью, ожидавшей его на родинѣ, съ ея крѣпостничествомъ, заставляло поэта нерѣдко переживать тяжелыя минуты раздумья о томъ, вернуться-ли ему домой, или нѣтъ. Примиряющимъ исходомъ этого раздумья были „Записки Охотника", написанныя въ Берлинѣ—высоко-художественное произведеніе, глубоко проникнутое горячей симпатіей къ крестьянину, желаніемъ поднять, возвысить въ немъ проявленія его человѣческаго достоинства, пришибленныя вѣковымъ гнетомъ. То были какъ бы поэтическія предчувствія великихъ событій нынѣшняго царствованія, осуществившаго, наконецъ, завѣтную мечту поэта.

Въ 1841 г. Тургеневъ возвратился въ Петербургъ и тогда же впервые началъ печатать свои мелкія стихотворенія, скрывая фамилію подъ двумя буквами: Т и Л (Тургеневъ-Лутовиновъ). Между лирическими стихотвореніями его явились и три поэмы: Параша, Андрей и Разговоръ. Двѣ изъ нихъ тогда-же вызвали чрезвычайно лестную рецензію Бѣлинскаго, привѣтствовавшаго въ авторѣ ихъ недюжинное дарованіе. „Параша"—это исторія постепеннаго замиранія живой и впечатлительной натуры дѣвушки среди случайно выпавшей ей на долю плоской и пустой жизни. Поэма „Разговоръ" представляетъ бесѣду между старымъ отшельникомъ, который и на краю могилы все еще живетъ воспоминаніемъ о своей прошлой жизни, такъ полно, такъ могущественно прожитой,—и молодымъ человѣкомъ, который вездѣ и во всемъ ищетъ жизни и нигдѣ, ни въ чемъ не находитъ ея, отравленный, мучимый какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ внутренней пустоты, тайнаго недовольства собою и жизнью. Бѣлинскій оканчи-

ваетъ рецензію этой поэмы слѣд. словами: „всякій, кто живетъ и, слѣдовательно, чувствуетъ себя постигнутымъ болѣзнью нашего вѣка—апатіею чувствъ и воли, при пожирающей дѣятельности мысли,—всякій съ глубокимъ вниманіемъ прочтетъ прекрасный поэтическій „Разговоръ“ Тургенева и, прочтя его, глубоко, глубоко задумается....“ По основной мысли, заключающейся въ этихъ двухъ поэмахъ, въ нихъ нельзя не видѣть остатковъ прежняго увлеченія Байроновскимъ разочарованіемъ, хотя вмѣстѣ съ нимъ здѣсь явно замѣтны уже силуэты того типа лишнихъ людей, который полнѣе и цѣльнѣе выразился въ послѣдующихъ его произведеніяхъ.

Какъ ни сильны были основанія, положенныя въ Тургеневѣ его пребываніемъ за границей относительно направленія и склада мысли, но, кто знаетъ, не остался-ли бы онъ при тѣхъ же смутныхъ типахъ разочарованія и въ дальнѣйшемъ развитіи своего таланта, если-бы онъ засталъ на родинѣ жизнь хоть нѣсколько менѣе противоположную всему тому, что только что было покинуто имъ. Но вотъ какими яркими красками описываетъ поэтъ первыя впечатлѣнія свои по возвращеніи: „Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, „крѣпостное право стоитъ какъ скала, суда нѣтъ, „носятся слухи о закрытіи университетовъ, вскорѣ „потомъ сведенныхъ на 300-й комплектъ, поѣздки за„границу становятся невозможны, путной книги вы„писать нельзя, какая-то темная туча постоянно ви„ситъ надъ всѣмъ т. наз ученымъ, литературнымъ „вѣдомствомъ, между молодежью ни общей связи, ни „общихъ интересовъ, страхъ и приниженность во „всѣхъ,—хоть рукой махни!“ Мы, имѣющіе преимущество пользоваться всѣми благами реформъ нынѣшняго царствованія, не можемъ составить себѣ вполнѣ

живаго представленія о томъ, какъ сильно могъ повліять на впечатлительнаго молодаго человѣка подобный строй жизни. Человѣкъ—существо весьма способное къ акклиматизированію; онъ легко уживается въ новой обстановкѣ, если она заставляетъ его сдѣлать не слишкомъ ужъ крутой поворотъ отъ прежнихъ привычекъ; въ противномъ случаѣ, черезчуръ рѣзкій контрастъ способенъ возбудить нерѣдко, въ единичной жизни, самую упорную реакцію. Это-то послѣднее вліяніе, по всей вѣроятности, долженъ былъ испытать на себѣ Иванъ Сергѣевичъ и оно-то дало рѣшительное направленіе его послѣдующей дѣятельности. Направленіе это еще болѣе окрѣпло подъ вліяніемъ лицъ, съ которыми онъ сблизился въ Петербургѣ и въ числѣ которыхъ первенствующее мѣсто занимаетъ Бѣлинскій. Мѣткое сужденіе, вѣрный вкусъ, почти непогрѣшительное эстетическое чутье—неизмѣнный руководитель талантливаго критика, наконецъ необыкновенный инстинктъ живо и ясно понимать то, что именно стоитъ на очереди, что требуетъ немедленнаго разрѣшенія, въ чемъ сказывается „злоба дня“—таковы были замѣчательныя качества Бѣлинскаго, представившія для Тургенева ту воспитательную школу, въ которой выковывалось его творчество. Я полагаю, не ошибусь, если скажу, что главнымъ преобладающимъ motto Тургеневской поэзіи стало, съ тѣхъ поръ, разнообразное развитіе типа людей, отрицательно относившихся къ жизни.

Послѣ небольшаго и незначительнаго драматическаго очерка „Неосторожность,“ очевидно, написаннаго имъ прежде и только теперь впервые напечатаннаго, авторъ начинаетъ рядъ повѣстей тремя произведеніями, напечатанными въ Петер. Сборн. и въ Отеч. Зап.: Андрей Колосовъ, Три портрета и Бреттеръ. Въ этихъ трехъ по-

вѣстяхъ исключительно разрабатывается еще тема неудавшейся любви, какъ вопросъ болѣе всего доступный при условіяхъ того времени. Колосовъ, по мысли, представляетъ близкую связь съ поэмой „Параша". Въ послѣдней живая энергическая дѣвушка случайно сближается съ празднымъ и пустымъ человѣкомъ, и постепенно сживается и пошлѣетъ среди благопріятной этому обстановки; здѣсь, напротивъ, главнымъ героемъ повѣсти является мужчина и, благодаря преимуществу своего положенія, можетъ совершенно невредимо выйти изъ неудачнаго сближенія: молодой и впечатлительный Колосовъ и его товарищъ, одинъ за другимъ, влюбляются въ кроткую, добрую, но совершенно пустую дѣвушку и мгновенно оставляютъ ее, достаточно позабавившись, отъ нечего дѣлать, игрою въ любовь. Почти однородное содержаніе находимъ мы и въ повѣсти „Три портрета." Здѣсь героиней снова является женщина —Ольга, красивая и добрая дѣвушка, которая вполнѣ могла-бы быть счастливой съ влюбившимся въ нее честнымъ и простодушнымъ Рогачевымъ, если бы стѣной между ихъ счастіемъ не явился до-мозга костей испорченный жизнью Лучиновъ, который увлекаетъ собой неопытную Ольгу, воспитанницу его матери, всѣ послѣдствія сваливаетъ на неповиннаго ни въ чемъ Рогачева и, затѣмъ, изображая изъ себя мстителя за честь оскорбленной дѣвушки, убиваетъ его. Наконецъ, въ послѣдней повѣсти, скромный и чувствительный Кистеръ, помѣшанный на идеалахъ Шиллера и Гёте, является жертвою несчастной любви къ экзальтированной, но совершенно пустой провинціальной барышнѣ,—любви несчастной потому, что она приводитъ его въ столкновеніе, окончившееся дуэлью и его смертью, съ Бреттеромъ, этимъ безобразнымъ типомъ пустоты и невѣжества, сложившимся изъ

традицій чуть-ли не средневѣковаго общества. Повѣсти эти, не смотря на отсутствіе въ нихъ оригинальной, самобытной мысли, возбудили однако общее любопытство и были прочитаны всѣми съ жадностью. Все заговорило о нихъ, псевдонимъ автора вскорѣ былъ разоблаченъ, и съ того времени прочно устанавливается громкая извѣстность его, какъ одного изъ лучшихъ беллетристовъ 40-хъ и 50-хъ годовъ.

По отпечатаніи этихъ повѣстей, Тургеневъ обращается наконецъ къ инымъ вопросамъ жизни, которые больнѣе всего давали себя чувсвовать въ то время, и въ первой книгѣ возобновленнаго Современника за 1847 г. является очеркъ „Хорь и Калиничъ", открывшій собою рядъ прелестныхъ картинъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ „Записокъ Охотника" и послѣдовательно выходившихъ въ свѣтъ, одна за другой, до 1851 г. Блестящая поэтическая живопись, увлекательный, полный гармоніи языкъ, мѣткій выборъ живыхъ, казалось, цѣликомъ выхваченныхъ изъ дѣйствительности типовъ людей, теплое, полное глубокой симпатіи отношеніе автора къ описываемой имъ жизни,—таковы были богатства, положенныя авторомъ въ созданіи этого произведенія, и подъ лучами такого художественнаго освѣщенія раскрылась предъ глазами изумленныхъ читателей глухая, забитая жизнь нашего крестьянина, жизнь захолустья, мелкихъ помѣщиковъ, однодворцевъ, Радиловыхъ, Чертопхановыхъ, Недопюскиныхъ. Тутъ не было идеализаціи жизни, не было аркадскихъ пастушковъ и сермяжныхъ героевъ во вкусѣ Кукольника; читателя поражала на первомъ-же шагу грязь, грязь голая, непокрытая несчастнаго, казалось, забытаго Богомъ и людьми человѣчества: но подъ этимъ толстымъ слоемъ наружной грязи вы чувствовали богатую сокровищницу нравственныхъ и умственныхъ

почти незатронутыхъ силъ. По прочтеніи этой книги, у каждаго не совсѣмъ еще извращеннаго жизнью человѣка непремѣнно должно было сложиться убѣжденіе, что людей, обладающихъ этими силами, невозможно покупать и продавать, какъ вещь, что у нихъ есть чувства, требующія уваженія, есть умъ, ожидающій науки и знанія, есть наконецъ и крѣпкая вѣками закаленная воля, которой остается только дать производительное направленіе. Еслибы Тургеневъ ограничился созданіемъ одного этого произведеденія, имя его навсегда должно было-бы остаться почтеннымъ въ лѣтописяхъ русской литературы. Но окружающая жизнь самымъ различнымъ образомъ поражала поэта, давая пищу его глубокой наблюдательности, освѣщенной разностороннимъ образованіемъ, и цѣлый рядъ жизненныхъ явленій нашелъ поэтическое выраженіе въ его творчествѣ.

Переходъ отъ крѣпостнаго права къ положенію женщинъ того времени былъ вовсе недалекъ, и вотъ, послѣ Записокъ Охотника, поэтъ даетъ намъ, въ цѣломъ рядѣ повѣстей, прелестную картину женскихъ типовъ. Сначала вы видите въ его героиняхъ —женщинъ чувства, какъ душевнаго движенія единственно доступнаго имъ: это, напр., гордый, неудовлетворенный жизнью образъ Марьи Павловны, въ повѣсти „Затишье,“ которая сосредоточила всѣ силы свои на чувствѣ привязанности къ одному человѣку, Веретьеву, и когда убѣдилась въ полной ничтожности своего кумира, то у нея хватило на столько воли, чтобы прекратить жизнь, утратившую съ тѣхъ поръ для нея всякую цѣль. Набросавъ въ Затишьи грустную картину женской жизни, которую можно наполнить лишь чувствомъ, авторъ, въ послѣдующихъ своихъ повѣстяхъ, начинаетъ избирать героинь, въ жизни которыхъ все болѣе и болѣе значенія при-

нимаетъ умственной элементъ. Первое пробужденіе женской мысли обращается, конечно, къ той же области, которую женщина привыкла считать болѣе всѣхъ близкою себѣ,—къ области чувствъ. Вдумываясь и анализируя ее со всѣхъ сторонъ, она дѣятельно принимается за возможное улучшеніе своего положенія тутъ и, разумѣется, на первыхъ порахъ, испытываетъ полнѣйшую неудачу. Такой исходъ ея усиліямъ подготовляетъ, между прочимъ,—или полнѣйшее отсутствіе всякаго воспитанія, какъ въ Асѣ, или же, напротивъ, глубоко извращенное воспитаніе, способное, въ видѣ реакціи, выработать въ юной натурѣ какую-то замкнутость, скрытность, вмѣстѣ съ готовностью, при случаѣ, вступить въ отчаянную борьбу съ жизнью, какъ Наталья въ Рудинѣ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, наличный запасъ силъ оказывается слишкомъ ничтожнымъ, чтобы онѣ могли выйти побѣдительницами изъ этой борьбы, главнымъ поприщемъ которой, по прежнему, остается любовь. Къ этому же роду типовъ принадлежатъ и лица, извѣстныя подъ названіемъ „заѣденныхъ средой": Вѣра въ Фаустѣ, развитіе которой подавлено воспитаніемъ, и Лиза Дворянскаго гнѣзда, съ дѣтства зараженная неблагопріятными условіями домашней обстановки. Напротивъ, типы, въ которыхъ выразился протестъ различнаго рода неблагопріятнымъ условіямъ, окружающимъ женщину,—протестъ, обставленный порывистостью и всѣми эксцентрическими выходками, составляющими неизбѣжную принадлежность всякаго новаго дѣла—собраны поэтомъ въ повѣстяхъ: „Первая любовь." (Зинаида Засѣкина) и „Наканунѣ" (Елена). Елена увлекается уже не красотою лица, не ловкостью и блестящей рѣчью, не личными, наконецъ, качествами человѣка, но той преданностью великому общественному дѣлу, пред-

ставителемъ которой является Инсаровъ. Она влюбляется въ эту идею и, преодолѣвъ всѣ препятствія, принеся все на жертву ей, всецѣло отдается Инсарову и съ необыкновенной твердостью неизмѣнно до конца остается вѣрна ему и его дѣлу.—Обратившись затѣмъ къ разработкѣ другихъ вопросовъ общественной жизни, Тургеневъ, въ повѣстяхъ: „Отцы и дѣти“ и „Дымъ“ выводитъ на сцену отрицательные типы женщинъ—г-жу Кукчину и Суханчикову. Отдавая должное необыкновенной яркости красокъ, которыми очерчены эти двѣ женщины, я думалъ бы, однако, что едва ли осмѣянные, въ лицѣ ихъ, недостатки можно признать особенно распространенными въ средѣ женщинъ. Мнѣ казалось бы даже, что все богатство художественной правды, потраченной поэтомъ на ихъ изображеніе, заслуживало лучшей и болѣе своевременной цѣли. Наконецъ, въ одной изъ послѣднихъ своихъ повѣстей, „Вешнія воды“, авторъ выводитъ на сцену типъ женщины, широко эмансипировавшей въ себѣ чувственность. Это—грандіозный образъ жрицы наслажденія, напоминающей классическихъ гречанокъ и римлянокъ временъ упадка. Быть можетъ, поэтъ хотѣлъ намекнуть своей героиней на тотъ тривіальный исходъ, какой могутъ избирать нѣкоторыя особенно энергическія женщины, за невозможностью проложить себѣ болѣе производительную карьеру, найти полезное для общества примѣненіе силъ и энергіи, съ избыткомъ накопившихся у нихъ. Чѣмъ болѣе стѣснена дорога, тѣмъ прихотливо неожиданнѣе бываетъ мѣсто, куда приведетъ васъ случайно попавшаяся на глаза, окольная тропинка.

Типы Записокъ Охотника и женскіе типы достаточно показываютъ, что нехорошо жилось у насъ въ то время. Сознаніе неудовлетворительности этой жизни должно

было увеличивать тягость ея для человѣка. Въ такомъ положеніи, оставалось одно изъ двухъ: или постараться примириться съ жизнью, какъ она есть, заглушить въ себѣ всякое чувство и закрыть глаза на все; или же съумѣть найти себѣ дѣятельность, которая, непротиворѣча убѣжденіямъ человѣка, могла бы доставить ему увѣренность, что жизнь его проходитъ не безслѣдно на землѣ. Послѣдній исходъ, конечно, всего труднѣй; большинство избираетъ первый. Но встрѣчаются случаи, когда отвращеніе къ такой жизни чувствуется человѣкомъ до того сильно, что примиреніе съ нею становится совершенно невозможнымъ, хотя—съ другой стороны—столько-же невозможно для него и найти себѣ подходящую дѣятельность, по совершенной неподготовленности такого человѣка ни къ чему. Является тяжелая, невыносимая жизнь, ежедневно убѣждающая человѣка, что онъ лишній на землѣ. Въ тюрьмѣ живутъ люди ожиданіемъ дня освобожденія или дня, избраннаго для побѣга,—они думаютъ, лелѣютъ въ душѣ своей мысль о свободѣ; какъ-же должна быть крѣпка нравственная тюрьма, каковъ упадокъ силъ, отсутствіе воли, какова безнадежность людей, въ ней заключенныхъ, когда эти люди и не мечтаютъ ни о правосудіи, ни о милосердіи, ни о концѣ наказанія, ни о подкопѣ и бѣгствѣ, а сидятъ, опустивъ руки, и томятся сознаніемъ, что имъ жить не зачѣмъ. Поразительный образъ такого *лишняго человѣка* Тургеневъ представилъ намъ въ дневникѣ, веденномъ однимъ изъ нихъ въ послѣдніе дни своей безплодной угасающей жизни. Другой не менѣе сильный типъ лишняго человѣка—Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, жизнь котораго уничтожена полнымъ отсутствіемъ воли. И откуда ему было взять ее: отъ колыбели и вплоть до могилы надъ нимъ непрестанно бодрствовала недремлющая рука разнообразныхъ опекуновъ: няньки, гувернера, инспектора, начальниковъ,

и все это только и бодрствовало затѣмъ, чтобы онъ ни въ чемъ никогда не обнаруживалъ своей воли. И явился изъ него обезсиленный и обезличенный Гамлетъ—лишній на землѣ. А между тѣмъ, это были честные, образованные люди тогдашняго времени, и ихъ было немало.

Въ лишнихъ людяхъ сказалась вся глубина, до которой бѣдная русская мысль могла спуститься: дальше итти было ей некуда—надобно было или погибнуть, или итти вверхъ. По счастію, въ организмахъ, которые еще пригодны къ жизни, самое зло вызываетъ реакцію, болѣзнь носитъ въ себѣ и сѣмена лекарства. Лишній человѣкъ, мысль и жизнь котораго проявлялись лишь въ жалобахъ и сѣтованіяхъ, мало по малу превратился въ Рудина, восторженнаго говоруна, окруженнаго цѣлымъ роемъ поклонниковъ и послѣдователей, при посредствѣ которыхъ онъ является распространителемъ новыхъ идей, новыхъ стремленій. Рудинъ былъ человѣкъ, далеко не дюжинный; умъ онъ имѣлъ систематическій, огромную память и необыкновенный даръ слова. Читалъ онъ книги хорошія и изъ всего прочитаннаго умѣлъ сразу дѣлать обобщеніе, улавливать самую суть предмета. Къ тому-же онъ былъ энтузіастъ и потому производилъ огромное впечатлѣніе. „Этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ остановиться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя,“ говорилъ про него одинъ изъ его поклонниковъ. Въ Америкѣ Рудинъ могъ-бы сдѣлаться однимъ изъ любимѣйшихъ народныхъ ораторовъ, могъ бы имѣть важное политическое значеніе. У насъ Рудины съиграли свою роль въ сороковыхъ годахъ, когда нужно было энергическое распространеніе мысли и слова, въ ожиданіи появленія людей дѣла, и въ настоящее время выродились въ пустыхъ болтуновъ и краснобаевъ.

Отнесясь къ своему герою вполнѣ безстрастно, объективно, Тургеневъ надѣлилъ его, какъ частнаго человѣка, достаточнымъ количествомъ и недостатковъ: онъ во все вмѣшивался, любилъ посплетничать, занималъ деньги и не думалъ отдавать ихъ, во всѣхъ дѣлахъ своихъ обнаруживалъ крайнюю непрактичность и отсутствіе такта. Но эта-то изнанка характера героя и составляетъ признакъ высокой поэтической правды. Тургеневъ не идеализировалъ своего героя; онъ изобразилъ его такъ, какъ онъ могъ быть на самомъ дѣлѣ. Да и дѣйствительно, отъ Рудиныхъ, какъ отъ людей слова, нечего было и ожидать особой безупречности жизни; они жили наканунѣ того времени, когда можно было ожидать появленія людей дѣла, къ которымъ, конечно, и маштабъ прибранъ былъ-бы иной.

Этихъ-то людей дѣла съ необыкновенно тонкимъ тактомъ и смысломъ изобразилъ поэтъ въ повѣсти „Наканунѣ.“ Герой ея—политическій дѣятель Инсаровъ—родомъ Болгаръ; подвигъ, за который онъ берется,—освобожденіе родины его Болгаріи. Мѣсто дѣйствія—за предѣлами Россіи; у насъ онъ успѣваетъ привлечь къ себѣ лишь симпатіи молодой дѣвушки, которая, со свойственною женщинамъ непосредственностью чувства, восторгается его героизмомъ, величіемъ идеи, подчинившей себѣ всю жизнь Инсарова и, не раздумывая долго, всецѣло, безповоротно отдается ему и его дѣлу. Но Инсаровъ, какъ мы сказали, болгаръ; онъ живетъ еще только *наканунѣ* появленія такихъ личностей въ нашемъ отечествѣ; въ настоящую минуту его окружаютъ: ученый резонеръ и теоретикъ Берсеневъ, Шубинъ – художникъ-эпикуреецъ, изъ породы широкихъ натуръ, да грузный Уваръ Ивановичъ, это олицетвореніе лѣнивой, черноземной силы. Дѣятельность Инсарова до такой степени непримѣнима и не нужна въ Россіи, что онъ и ведетъ-то себя

здѣсь совсѣмъ иначе: изъ всей одиссеи его въ повѣсти описано, по выраженію одного критика, „одно лишь пребываніе Улисса на о. Калипсо,“ а единственный подвигъ, выражающій геройство болгарскаго патріота —низверженіе въ прудъ пьянаго нѣмца,—подвигъ, для насъ совсѣмъ не новый, который Уваръ Ивановичъ, напр., совершилъ-бы даже несравненно эффектнѣе.

Но время дѣлаетъ свое дѣло; прошелъ рядъ событій, явились новыя учрежденія, а съ ними и новые порядки, новыя идеи, новые люди. Тургеневъ со свойственною ему чуткостью и на этотъ разъ откликнулся на потребность общества и въ новомъ своемъ произведеніи показалъ ему, съ необыкновеннымъ безстрастіемъ, объективизмомъ, этого новаго человѣка, сопоставивъ его тутъ-же съ типами отживающаго, стараго поколѣнія людей. Ни одно изъ его произведеній до сихъ поръ не повергало въ такое недоумѣніе, не давало повода къ такимъ разнорѣчивымъ толкованіямъ, какъ романъ „Отцы и дѣти.“ Даже въ группахъ отцовъ и дѣтей произошелъ расколъ. Одни изъ отцовъ присылали поэту поздравленія, чуть не лобызанія, которыя, по словамъ Тургенева, „конфузили и огорчали его,“ другіе засыпали его упреками и сарказмами, а употребленное имъ выраженіе „нигилистъ“ превратилось въ бранное, оскорбительное выраженіе. Съ другой стороны, авторъ замѣчалъ холодность, доходившую до негодованія, во многихъ близкихъ и симпатическихъ ему людяхъ, литературная-же критика почти единогласно обозвала его повѣсть злостнымъ памфлетомъ. Наконецъ, одинъ только изъ числа болѣе выдающихся русскихъ публицистовъ и почти всѣ иностранные критики возвели Базарова на высокій, художественный пьедесталъ. Въ виду такихъ толковъ, авторъ написалъ, въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ, небольшое объясненіе, въ которомъ, между

прочимъ, приводитъ выписку изъ своего дневника, которая можетъ служить доказательствомъ, что во все время писанія повѣсти авторъ чувствовалъ къ своему герою невольное влеченіе; при этомъ Тургеневъ откровенно заявляетъ читателямъ, что, за исключеніемъ воззрѣній Базарова па художества, онъ раздѣляетъ почти его убѣжденія. Полное безвозвратное охлажденіе къ нему публики показалось поэту на столько несомнѣннымъ, что онъ оканчиваетъ свою замѣтку трогательнымъ прощаніемъ и завѣтомъ, съ которымъ обращается къ начинающимъ писателямъ. Мнѣ кажется, что опасенія автора, въ этомъ отношеніи, совершенно напрасны; необыкновенно сильное впечатлѣніе, произведенное этимъ произведеніемъ на общество и породившее въ немъ столько пылкихъ увлекающихся партій, служитъ лучшимъ доказательствомъ высокой поэтической правды его героевъ, за которую ему навсегда принадлежатъ симпатіи исторіи. Что же до повѣсти его, то въ ней нельзя не видѣть прямаго органическаго продолженія типовъ, намѣченныхъ въ предъидущихъ его произведеніяхъ. Послѣ поколѣнія Рудиныхъ, увлекавшихъ все окружающее своими рѣчами и такимъ образомъ, будившихъ сонную апатію общества, несомнѣнно должны были явиться восторженные энтузіасты, съ жаромъ устремившіеся въ широкое море знанія и пытавшіе утолить въ немъ свою жажду дѣятельности, за неимѣніемъ иного болѣе подходящаго для нея поприща. Одинъ изъ такихъ энтузіастовъ—Базаровъ—является такимъ гордымъ образомъ, одареннымъ такой силой характера и такой полной независимостью отъ всего мелкаго, пошлаго, вялаго и ложнаго, что каковы бы ни были симпатіи читателя, онъ невольно въ изумленіи остановится передъ нимъ. Но это герой будущаго; высокія качества его характера сулятъ въ немъ одного изъ надежныхъ общественныхъ дѣя-

телей, способныхъ къ труду и трезвому, справедливому взгляду на жизнь. Въ настоящее же время, это все-таки энтузіастъ, и такимъ является онъ вездѣ, за исключеніемъ его медицинскаго поприща, гдѣ онъ, дѣйствительно, мастеръ своего дѣла; но вѣдь на этомъ поприщѣ онъ мастеръ не единственный, да поэтъ и выводитъ его на сцену вовсе не съ цѣлью рекомендовать въ немъ хорошаго медика. Что же до его взглядовъ и убѣжденій, то здѣсь вы видите въ немъ, повторяю, крайне увлекающагося энтузіаста. Что можетъ быть, напр., парадоксальнѣе отрицанія имъ значенія всѣхъ наукъ, кромѣ естествознанія, какъ будто раціональная исторія, политическія и философскія науки не составляютъ, въ болѣе широкомъ смыслѣ, различныхъ отдѣловъ того-же естествознанія. Не менѣе странно его презрѣніе къ искусствамъ и поэзіи, почти деспотическое отношеніе къ молодому Кирсанову, посягательство на свободу отца послѣдняго даже въ выборѣ книгъ для чтенія, и пр. и пр. Вообще Базаровъ представляется мнѣ какъ-бы нѣсколько драпирующимся тогой позитивизма, подобно Печорину, видимо щеголявшему своимъ разочарованіемъ. А это доказательство, что Базаровъ—типъ переходной эпохи; человѣкъ прочныхъ убѣжденій, которыя близки ему, съ которыми онъ сроднился вполнѣ, поступаетъ проще и не подчеркиваетъ словъ.

Вслѣдъ за повѣстью „Отцы и дѣти", Тургеневъ издалъ фантастическій очеркъ въ гофмановскомъ вкусѣ, подъ заглавіемъ „Призраки," очевидно, заключающій въ себѣ какую-то аллегорическую мысль, не совсѣмъ понятную безъ коментарія,—и отрывокъ „Довольно," который понятъ былъ сперва, какъ лебединая пѣснь поэта, прощающагося съ обществомъ. Но, вслѣдъ за этимъ отрывкомъ, авторъ издалъ повѣсть „Дымъ," и публика, по обыкновенію, съ живѣйшимъ

интересомъ привѣтствовала это новое произведеніе поэта. На этотъ разъ, однако, впечатлѣніе было далеко не столь отрадное и живое. Новая повѣсть нашего автора, обличая мѣстами, въ отдѣльныхъ картинахъ и лицахъ, широкую кисть маэстро, въ цѣломъ представляетъ произведеніе вообще болѣе слабое. Положительные типы тамъ: Литвиновъ и Татьяна, до-нельзя слабы и безжизнены. Что же до Потугина, то это нѣчто въ родѣ хора въ древней греческой трагедіи —мертвая, безжизненная фигура, произносящая мораль и изливающая желчь на вся и все, его окружающія. Тургеневъ, противу обыкновенія, до того злобно отнесся здѣсь къ своимъ героямъ, что въ очеркѣ ихъ невольно проглядываетъ мѣстами каррикатура. Напр., какъ бы ни былъ несостоятеленъ кружокъ русскихъ нигилистовъ въ Баденъ-Баденѣ, но едва ли такой совершеннѣйшій идіотъ, какъ Губаревъ, могъ играть въ немъ роль президента. Затѣмъ, всѣ остальныя лица этого кружка: Бамбаевъ, Ворошиловъ, Суханчикова, ведутъ до того глупые разговоры, что даже въ какомъ-нибудь сатирическомъ листкѣ каррикатуръ они показались-бы черезъ-чуръ обезображенными. Одно изъ лучшихъ мѣстъ въ книгѣ—прелестное описаніе пикника особъ высшаго общества близъ стараго замка, въ Баденъ-Баденѣ. Разсказъ стараго генерала про то, какъ онъ расправился палкой съ однимъ изъ столичныхъ folliculaires за пасквиль, разсужденія сановниковъ о прогрессѣ; затѣмъ, второй пикникъ у Ирины, на которомъ происходило магнетизированіе рака, каламбуры мсьё Лужинъ и политико-экономическія разсужденія князя Коко —все это мѣткія, язвительныя сцены, но болѣе естественныя и, по-моему, представляющія болѣе гармоніи съ заглавіемъ повѣсти. Если повѣсть „Дымъ“ имѣетъ какую нибудь связь съ предшествующими произведеніями поэта, то значеніе ея едва-ли не заключается

въ слѣдующемъ: пробужденное энергической пропагандой Рудиныхъ, общество приходитъ въ броженіе, первымъ результатомъ котораго являются типы отцовъ и дѣтей и въ ряду послѣднихъ—стройная, нѣсколько эксцентрическая личность Базарова. Но это искусственнымъ образомъ возбужденное броженіе не можетъ быть прочно, не можетъ дать тотчасъ-же производительныхъ результатовъ. Оно улеглось мало по малу, оставивъ по себѣ дымъ, который ѣстъ глаза зрителя и на послѣднемъ пикникѣ у г-жи Ратмировой, и на раутахъ русскихъ quasi-соціалистовъ, превращающихся впослѣдствіи въ крѣпостниковъ, и наконецъ при попыткѣ какого-нибудь скромнаго дѣятеля, въ родѣ Литвинова,—устроить свое семейное счастіе. Какъ-бы въ pendant къ картинѣ «Дыма», поэтъ, въ послѣднее время, представилъ обществу повѣсть «Вешнія воды», въ которой весьма рельефно намѣчены другіе изъ болѣе видныхъ признаковъ реакціи. Среди удушливыхъ клубовъ дыма, застилающаго собою все, съ неудержимою силой катятся волны вешней воды, сопровождаемые оффенбаховщиной, канканомъ и шансонетками, и, подъ напоромъ ея, гибнутъ многообѣщавшіе типы недавняго «Наканунѣ,» уступая дорогу страстной, бѣшеной скачкѣ героини Вешнихъ водъ и ея спутниковъ съ желѣзными кольцами: остановленная—казалось, говоритъ поэтъ —на половинѣ своего развитія женщина чувства уступаетъ мѣсто чувственной женщинѣ.

Повѣстями „Дымъ“ и „Вешнія воды“ заканчивается предположенный нами обзоръ поэтической дѣятельности И. С. Тургенева. Драматическія произведенія поэта, въ которыхъ мѣстами разсѣяны искры его таланта, и блѣдные, нѣсколько безсодержательные очерки и студіи послѣдняго времени, а также повѣсть „Несчастная“, такъ слабы сравнительно съ другими его

произведеніями, что внесеніемъ ихъ въ нашу лекцію мы рѣшительно не прибавили-бы ничего существеннаго къ общей характеристикѣ литературной дѣятельности нашего поэта.

Итакъ, открывъ себѣ возможность при посредствѣ солиднаго образованія глубоко понимать явленія окружающей жизни, И. С. Тургеневъ избралъ, повидимому, своей цѣлью изображеніе типовъ людей, отрицательно смотрѣвшихъ на жизнь. Положеніе закрѣпощеннаго крестьянства прежде всего поразило его, и онъ выразилъ свое сочувствіе къ нему въ высоко-художественныхъ „Запискахъ охотника,“ едва-ли не лучшемъ изъ его произведеній. Затѣмъ, замѣтивъ, что разладъ между дѣйствительной жизнью и жизнью идеальной, начинавшей слагаться уже въ то время у нѣкоторыхъ въ болѣе опредѣленныя формы, порождаетъ печальное недовольство собою или безсиліе воли, поэтъ отмѣтилъ это явленіе въ трогательномъ образѣ лишняго человѣка. Но, когда это недовольство стало обнаруживаться болѣе производительнымъ образомъ, въ формѣ энергической пропаганды противу существующихъ золъ, Тургеневъ поспѣшилъ откликнуться и этому общественному явленію созданіемъ своего Рудина. Наконецъ, когда Рудинская проповѣдь стала мало по малу вызывать къ жизни людей дѣла, Тургеневъ не замедлилъ раскрыть публикѣ, въ повѣсти Наканунѣ, несвоевременность у насъ нѣкоторыхъ типовъ и показалъ, въ образѣ Базарова, идеальное, но возможное зарожденіе особаго намъ лично присущаго типа новыхъ людей. Затѣмъ, разлученный съ родиною, живя въ чужомъ краю, среди иныхъ людей и нравовъ, Тургеневъ, быть можетъ, гипотетически набросалъ конечную картину реакціи, возбужденной пропагандой Рудиныхъ и иными благопріятными обстоятельствами. Изображенію этой реакціи посвящены двѣ лучшія изъ

позднѣйшихъ его повѣстей: Дымъ и Вешнія воды. Теперь русская читающая публика вдумывается въ смыслъ трехъ послѣднихъ его произведеній: Наши.послали, Пунинъ и Бабуринъ и Живыя мощи, усиливаясь опредѣлить себѣ, есть-ли, на этотъ разъ, какая-нибудь гармонія между нашимъ бытомъ и затронутой поэтомъ, въ этихъ произведеніяхъ, струею жизни?...

Такимъ образомъ, въ теченіе болѣе четверти столѣтія, Тургеневъ чутко прислушивался ко всѣмъ выдающимся явленіямъ русской общественной жизни и служилъ имъ вѣрнымъ и быстрымъ отголоскомъ. Мнѣ хотѣлось, въ прочитанной лекціи, сгруппировать въ одно цѣлое разнообразныя произведенія этого поэта и указать вамъ общую связующую между ними нить. Могу пожалѣть только, если недостатки моего чтенія помѣшали вамъ, мм. гг., вполнѣ выяснить себѣ общую идею и полное смысла и значенія направленіе художественныхъ произведеній этого замѣчательнѣйшаго изъ русскихъ писателей, имѣвшаго рѣдкое преимущество—съ богатымъ поэтическимъ талантомъ соединять прочное, разностороннее образованіе.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound